

Социализм, анархизм и феминизм

Carol Ehrlich

1977

Оглавление

Радикальный феминизм и анархистский феминизм	7
О практике	8
Ситуационизм и анархистский феминизм	14
Женщины и товарная экономика	15
Женщины и зрелище	17

Вы — женщина, которая живет в капиталистическом обществе. Ваша работа, открытые кредиты, ваш муж, школа ваших детей, работа по дому, затраты на то, чтобы быть симпатичной и вызывать интерес — все это отвратительно! Если вы размышляете об этих вещах, о том, что их связывает и как их можно изменить, то в какой-то момент вы неизбежно столкнетесь с социалистическим феминизмом.¹

Из бесчисленных предложений, которые были сделаны для решения проблемы сексизма, многие женщины считают социалистический феминизм одним из наиболее многообещающих решений. Социализм в своем удивительном разнообразии сегодня оказывает сильное влияние на многих людей. Его программа варьируется от представительских интересов трудящихся и продуманной системы революционных теорий до примеров индустриальных стран, которые имеют отличную от США и их сателлитов социальную структуру.

Для многих феминисток привлекательность социализма заключается в его обещании положить конец экономическому неравенству между работающей женщиной и работающим мужчиной. Кроме того, для всех тех женщин, которые считают, что исключительно феминистский анализ не в состоянии охватить существующее неравенство в обществе, социализм предлагает радикальное расширение их перспективы.

Есть веские причины, по которым женщины думают о том, чем полезен феминистский социализм в качестве политической теории. Социалистические феминистки, по-видимому, и рациональны, и радикальны. Большинство из них испытывают стойкое отвращение к реформизму и индивидуализму, которые все чаще распространяются среди большого числа женщин.

Для многих из нас, кто не слишком романтична, Нация Амазонок с ее армиями воинственных матриархинь, летящих в закат, нереальна, но вполне безвредна. С другой стороны, нас больше беспокоит религиозная одержимость, которая распространяется среди многих женщин, порождая такие своеобразные психические явления, как вера в «Великую Богиню», магию и культ колдовства. Как феминистка, вовлеченная в изменяющиеся общественные структуры, я нахожу это не безобидным.

1. Например, более 1400 женщин посетили спиритический съезд в Бостоне в апреле 1976 года, на котором в основном обсуждались упомянутые темы. Разве энергия, используемая в бесконечных дискуссиях о колдовстве, некромантии и менструальных обрядах, не могла бы быть лучше использована в феминистских целях?
2. Пример: По сообщениям, по крайней мере, в одной феминистской газете, группа ведьм пыталась спасти Сьюзен Сакс из тюрьмы с помощью магии. (Она должна была вылететь на свободу!) Если эти женщины действительно верили, что могут освободить Сьюзен, это только показывает, что им не хватало понимания институтов патриархального гнета. Если это было задумано только как веселая шутка, то почему никто не смеется!

---

¹ Barbara Ehrenreich, "What is Socialist Feminism?", *Win Magazine*, June 3, 1976, p.4.

Реформизм представляет гораздо большую угрозу интересам женщин, чем эти причудливые психологические игры. Термин «реформистский» можно использовать по-разному, однако в большинстве случаев этот термин не является ни точным, ни полезным. Часто этот термин скрывается за его собственным политическим пуританством или отказом от самой политической работы. В ответ на это некоторые феминистки пытались показать, что определенный вид реформ может создать радикальное движение.²

Но есть и реформистские стратегии, которые бессмысленно тратят энергию женщин, создавая обманчивые надежды на фундаментальные изменения в обществе, однако не предлагая решений, которые приведут к их реализации. Лучший пример этого — избирательная политика. Он находит сторонниц среди социалисток, верящих в идею постепенного прогресса. Анархистки здесь имеют другое мнение. Вы не можете освободить себя авторитарными методами. Выбирая женщин в качестве своих сторонниц в политике, вы не меняете старые коррумпированные институты патриархата. Вы все еще подчинены их «Господ-ству». Поэтому, когда такие организации, как СЕЙЧАС, призывают женщин следовать за ними к революции, выбирать их, это означает не что иное, как оставить все на своих местах.

Избирательная политика явно зашла в тупик; даже большинство нерадикальных женщин научились ее обходить. Однако здесь не столь очевидна проблема капитализма, поскольку он расцветает под маской феминистских бизнес предприятий. Рассмотрим, например, Феминистскую экономическую сеть (FEN) — одну из многих феминистских экономических организаций. Первоначально это была ассоциация альтернативных феминистских компаний, которые стремились подорвать капитализм изнутри, развивая собственную экономическую независимость. Конечно, идея интригующая. Первый крупный проект FEN начался в апреле 1976 года в Детройте. За годовой взнос в размере 100 долларов женщины, которые были участницами FEN, могли купаться в частном бассейне, пить в частном баре и делать покупки в некоторых дешевых магазинах. Своим сотрудницам FEN платила 2,50 доллара в час. Директорка Лаура Браун назвала компанию началом феминистской экономической революции.³

Если две старые игры в доминирование — избирательная политика и капитализм — выдаются за революцию, то это означает, что термин революция был полностью перевернут с ног на голову. Поэтому неудивительно, что все те женщины, которые не хотят быть ведьмами, амазонками, министерками или маленькими капиталистками, но которые заинтересованы в ликвидации сексизма посредством социальных изменений, видят в социалистическом феминизме источник здорового революционного духа. Анархистский феминизм может обеспечить значимые теоретические рамки для этого. Но, большинство феминисток никогда не слышали о нем или понимают его как своего рода женский вариант метательницы бомб.

---

² The best of these arguments I've encountered are "Socialist Feminism; A Strategy for the Women's Movement", by the Hyde Park Chapter, Chicago Women's Liberation Union, 1972; and Charlotte Bunch, "The Reform Tool Kit", *Quest*, 1:1, Summer 1974, pp.37-51.

³ Reports by Polly Anna, Kana Trueblood, C. Corday and S. Tufts, *The Fifth Estate*, May, 1976, pp. 13, 16. The "revolution" failed: FEN and its club shut down.

Социалистический феминизм включает в себя различные политические взгляды. С одной стороны мы находим пыльные сектантские храмы старых левых, такие как Революционная коммунистическая партия (РКП), Октябрьская лига или Международная рабочая партия. Лишь немногие женщины находят их жизнеспособными. С другой стороны, есть значительное число женщин, которые присоединяются к быстрорастущим эклектичным группам новых левых, таким как Новое американское движение или другим автономным женским ассоциациям.

Социалистические феминистки внутри новых левых весьма энергичны и успешны в наборе новых товарищек. С другой стороны, в окаменелых организациях «старых левых» были потрясены самой идеей того, что лесбиянки, сепаратистки и другие непредсказуемые феминистки могут сотрудничать с благородными наследниками Маркса, Троцкого, Сталина и Мао. Для многих из них идея автономного женского движения, занимающегося исключительно интересами женщин, была невыносимой. Женщины, полные решимости взять на себя ответственность за свои собственные задачи, были названы буржуазными с упреком в «расколе рабочего класса». У некоторых из них также присутствует истерическое отвращение к лесбиянкам. Этим известны группы — Октябрьская лига и Революционная коммунистическая партия, но они не единственные! Как и во многих других вещах, анти-лесбийская политика, которую они представляют, является не более чем точной копией политики коммунистических государств. Характерным для этого является отчет, выпущенный РКП в начале 1970-х годов. В нем говорится о гомосексуалах, как о «запертых в грязи буржуазного упадка», а «освобождение геев» там осуждается как «контрреволюционное» и «противное рабочему классу». Тот факт, что женщины угнетены вне пролетариата, похоже, не приходит в головы этих «революционеров». Понятие рабочего класса — это, конечно, чрезвычайно гибкий термин. В нынешних дебатах левых его значение варьируется от простого промышленного работни_а до огромной группы тех, кто продает свой труд за заработную плату или иным образом зависима экономически от кого-то. Ну, почти все мы — и папа Маркс должен спросить себя, почему, если девяносто процентов населения США принадлежит к революционному авангарду, у нас не было революции!

Социалистические феминистки новых левых пытались многими оригинальными способами сохранить, обновить и связать ядро марксистско-ленинской мысли с современным радикальным феминизмом. Результаты часто выходили крайне диковинными. В июне 1975 года женщины «Нового американского движения» и женщины других автономных групп провели первую национальную конференцию «Социалистический феминизм». Хотя конференция не была особенно разрекламирована, более 1600 женщин посетили мероприятие в выходные первой недели июля Йеллоу Спрингс в Огайо.

Когда читаешь доклады с этой конференции и подробные комментарии о них, которые опубликованы в феминистской прессе⁴, то совершенно не ясно, что хотели выразить эти организации под термином «социалистический феминизм». Принци-

---

⁴ People who are interested in reading reports of the conference will find them in almost every feminist or socialist newspaper that appeared in the month or so after July 4th. Speeches by Barbara Ehrenreich, Michelle Russell, and the Berkeley-Oakland Women's Union are reprinted in *Socialist Revolution*, No. 26, October-December 1975; and the speech by Charlotte Bunch, "Not for Lesbians Only", appears in *Quest*, 2:2,

пы, которые были озвучены в начале конференции, содержат кроме всего прочего два пункта, которые имели намного больше общего с радикальным феминизмом, чем с традиционной социалистической повесткой. Во-первых, заявлено: «Мы видим необходимость и поддерживаем существование автономного женского движения через революционный процесс.» Во-вторых: «Мы разделяем общее убеждение, что все формы подавления, относятся ли они к расе, полу, классу или лесбийской любви, не могут быть отделены друг от друга. Мы — угнетенные должны бороться за наше освобождение совместно и одновременно. В-третьих, было констатировано, что «социалистический феминизм является революционной стратегией». В-четвертых, — «Дискуссии внутри женского движения должны вестись в духе борьбы и единства.

Конечно, это чрезмерное предложение заманчивых принципов — здесь каждая найдет что-то на свой вкус. Однако, если социалистические феминистки, утверждают, что классовое угнетение является лишь одной из многих форм угнетения, представляют автономное женское движение в качестве козырной карты в своей программе, то едва ли здесь можно говорить о марксистском понимании социализма. Но социалистические феминистки не делают никаких выводов из этих отправных точек, которые связывают их с радикальными феминистками. Если бы они были последовательны, они включили бы в свою программу принцип, что неиерархические структуры жизненно важны для феминистского движения. Конечно, это то требование, которое не сможет принять ни один ортодоксальный социалист, потому что оно обязательно подразумевает, что радикальный феминизм гораздо лучше гармонирует с неким анархизмом, чем с доминирующими проявлениями социализма. Этот тип анархизма обычно называют социальным или коммунистическим анархизмом. (Индивидуалистические и «анархо-капиталистические» разновидности здесь нас не интересуют.)

Феминистки, которые знакомы с анархистскими принципами, не найдут это новым. Но это редкий случай, что неудивительно, если взглянуть на предрассудки и искажения в отношении анархизма. Феминистки, которые лучше знакомы с анархизмом, не стали бы видеть в социализме панацею для прекращения сексистского угнетения. Феминисткам следует научиться скептически относиться к любой теории, которая создает структуру лидеров и последователей. Демократическое притязание, которое эти центристские структуры превозносят, не меняет того факта, что некоторые женщины могут сказать больше, чем другие. Мы, женщины всех рас и слоев общества, слишком долго терпели патриархальное правление, не для того, чтобы заменить его новым — матриархальным.

Некоторые современные анархистские феминистки указывают на тесную связь между социальным анархизмом и радикальным феминизмом. Линн Фэрроу отметила, что «феминизм практикует то, что проповедует анархизм». Пегги Коменгер считает, что «феминистки были бессознательными анархистками годами, как в теории, так и на практике». Мариан Лейтон отметила в этой связи, что «тонкое раз-

---

Fall 1975. A thirty-minute audiotape documentary is available from the Great Atlantic Radio Conspiracy, 2743 Maryland Avenue, Baltimore, Maryland 21218.

⁵ Farrow, "Feminism as Anarchism", *Aurora*, 4, 1974, p.9; Kornegger, "Anarchism: The Feminist Connection", *Second Wave*, 4: 1, Spring 1975, p.31; Leighton, "Anarcho-Feminism and Louise Michel", *Black Rose*, 1, April 1974, p. 14.

личие между радикальной и анархистской феминисткой — это только один шаг в теоретическом развитии самосознания»⁵.

Мы воздвигаем независимость
потому что это процесс возвращения
к единству всех живых существ,
Мы распространяем
Спонтанность и креативность,
и
мы учимся
радости равенства
между нами, сестрами в отношениях без господства.
Мы уничтожаем притеснение
во всех его формах.

Это стихотворение было опубликовано в радикальном феминистском журнале «Не со мной, малыш»⁶, в чьих выходных данных читалось требование: «Уничтожь любое господство»! Хотя редакторки журнала не называют себя ни анархистками, ни анархо-феминистками, это показывает четко выраженную тесную связь между радикальным феминизмом и анархистским феминизмом, которая развилась в новом женском движении. Либертатным подходам последних лет угрожают такие вещи, как «социалистический феминизм», новый женский мистицизм и мечта о лесбийском государстве, поскольку они пробуждают в женщинах стремление к новым формам доминирования и подчинения.

Радикальный феминизм и анархистский феминизм

Есть ряд общих моментов, в которых радикальные феминистки и социал-анархистские феминистки имеют общий интерес. К ним относятся: контроль над собственным телом, разработка альтернатив нуклеарной семье и гетеросексуальности, поиск новых методов освобождения от заботы о детях, экономическая независимость, разрушение гендерных ролей в воспитании, средствах массовой информации и на рабочем месте, отмена репрессивных законов и прекращение мужского доминирования и контроля над женщинами, привлечение и предоставление средств, позволяющих женщинам развивать собственные способности, преодоление эмоциональных отношений репрессивного характера и то, что ситуационисты называют «переосмыслением повседневной жизни».

Таким образом, существует множество вопросов, по которым радикальные феминистки и анархистские феминистки друг с другом согласны. Однако анархистские феминистки озабочены чем-то большим. Поскольку они анархистки, они работают над тем, чтобы положить конец всем властным отношениям, всем ситуациям, в которых люди могут притеснять друг друга. В отличие от некоторых радикальных феминисток, которые не являются анархистками, они не верят, что власть в руках

---

⁶ December, 1, 1970, p.11.

женщин может привести к созданию общества без принуждения. И в отличие от большинства социалистических феминисток, они не верят, что из массового движения, возглавляемого лидерской элитой может возникнуть что-нибудь хорошее. Короче говоря, ни рабочее государство, ни матриархат не остановят притеснение всех. Таким образом, цель состоит не в том, чтобы «захватить» власть, как любят призывать социалисты, а в том, чтобы полностью отменить власть.

Вопреки распространенному мнению, все социальные анархистки являются социалистками, если эти социалистки имеют мало общего с теми, которые описывались до сих пор: то есть они хотят вырвать богатство из рук немногих и перераспределить его среди всех членов сообщества. И они считают, что люди должны сотрудничать друг с другом как сообщество, а не жить как изолированные индивидуумы. Однако для анархисток центральными вопросами всегда являются власть и социальная иерархия. Если государство — даже государство, репрезентующее пролетариат, — продолжит свое существование, оно консолидирует и обновит формы господства, и некоторые люди перестанут быть свободными. Люди не свободны только потому, что их существование экономически и социально безопасно. Они свободны только тогда, когда они имеют власть над своей жизнью и этот вопрос имеет гораздо большее значение для женщин, нежели для мужчин. Получение такой автономии и настаивание на том, чтобы она была у всех, является главной целью анархистских феминисток.

Нет власти ни для кого
или
Вся власть для всех.
Вся власть
над собственной жизнью
но
нет власти
над жизнью других.⁷

О практике

Мы рассмотрели теорию. Но как насчет практики? Опять же, радикальные феминистки и анархистские феминистки имеют больше общего друг с другом, чем с любыми названными социалистическими феминистками.⁸ Оба течения заинтересованы в создании альтернативных организационных структур, и оба очень серьезно относятся к политике личного. Социалистические феминистки не считают ни то, ни другое особенно важным для революционной практики.

Но что подразумевается под развитием альтернативных форм организации? На практике это означает, что женщины должны работать над созданием клиник са-

---

⁷ Lilith's Manifesto, from the Women's Majority Union of Seattle, 1969. Reprinted in Robin Morgan (ed.), *Sisterhood is Powerful*. N.Y.: Random House, 1970, p.529.

⁸ The best and most detailed description of the parallels between radical feminism and anarchist feminism is found in Kornegger, op cit.

мопомощи, а не бороться за то, чтобы поставить одну из своих радикалок в совете директоров больницы. Это означает, что женщины должны создавать свои собственные видеогруппы и газеты, а не размещать своих людей в коммерческих СМИ. Это означает, что женщины должны объединяться, чтобы жить коллективами, а не нуклеарными семьями. Развитие альтернативных форм организации включает, в частности, приюты и консультационные центры для переживших насилие, продовольственные кооперативы, детские сады под контролем родительниц, бесплатные школы, типографии и альтернативные радиостанции.

Многие из радикальных феминисток ранее признали, что с созданием альтернативных моделей было достигнуто немного, потому что они опираются в своих структурах на капиталистическую и авторитарную модели организации. Так что в группах самопознания они стремились найти новые способы обрести понимание себя и мира. В небольших группах без лидеров они старались развивать новые формы сотрудничества и межличностных отношений. Принцип ротации при распределении заданий оказался наиболее выгодным, поскольку он включал и продвигал знания и навыки всех участниц. Знание теории и форм организации анархизма было бы решающей помощью в попытке «изменить себя и общество одновременно»; многих ошибок и трудностей можно было бы избежать.

Проблема, как часто бывает с доминирующими женщинами в движении, является ярким примером этого. Отношение радикальных феминисток к этой проблеме можно резюмировать следующим образом:

1. Женщины угнетены, потому что они изолированы друг от друга и живут в отношениях господства и угнетения с мужчинами.
2. Мужчины не освободят женщин. Освобождение женщин может быть делом самих женщин. Индивидуальное освобождение женщины невозможно; Поэтому мы, женщины, должны разработать модель взаимопомощи.
3. «Сестринство» — мощная сила, но женщины не могут называть себя сестрами, если они подражают мужским моделям господства и угнетения.
4. Должны быть созданы новые организационные формы. Основной единицей этих форм организации является небольшая группа без лидеров, основанная на равенстве, взаимопомощи и обмене знаниями и навыками.

Даже если бы многие женщины приняли эти требования, большинство женщин, вероятно, не согласились бы.

Некоторые женщины были против этой концепции с самого начала. Другие женщины, с другой стороны, подчеркнули трудности, с которыми они сталкивались при практической реализации, с сожалением отметив, что такой прекрасный идеализм никогда не сработает на практике. Идеологическая поддержка тех, кто отвергали принципы, выдвинутые «бессознательными анархистками», была представлена в двух документах, которые быстро распространялись в освободительных газетах и организациях женщин. Первым была речь Ансельмы делль Олио на втором Конгрессе по объединению женщин, который состоялся в мае 1970 года в Нью-Йорке. Речь,

озаглавленная «Разногласия и самоуничтожение в женском движении: заявление об отставке», описала причины того, что делль Олио покинула женское движение. Вторым документом была «Тирания бесструктурности» Джорин, которая впервые появилась в 1972 году во «Второй волне». Обе подняли вопросы организационной и личной практики, которые были и остаются чрезвычайно важными для женского движения.

«Я пришла, чтобы спеть свою лебединую песню женскому движению ... Я уничтожена ... Три с половиной года назад я усвоила горький урок, что женское движение разделено, расколото и парализовано бессильной яростью. Я никогда бы не подумала, что мне придется стать свидетельницей того, что гнев, маскирующийся под псевдоэгалитарный радикализм под знаменем «за женщину», заставит общую борьбу против сексизма превратиться в пугающе порочный антиинтеллектуальный фашизм левых и будет использован в движении для подавления сестринства. Я имею в виду здесь, конечно, личные атаки, как явные, так и одиозные, которым подвергались женщины внутри движения. Женщин, добившихся успехов в своей работе, немедленно нарекали оппортунистками, ищущими острых ощущений, безжалостными наемницами, стремящимися к власти, элитаристками и расистками. Чтобы получить славу и богатство они шли по трупам бескорыстных сестер, которые похоронили свои способности и пожертвовали своими амбициями ради великого триумфа феминизма ... Вероятно, худшие злоупотребления, которые им были приписаны, — это обвинения в желании «идентифицировать себя с мужчинами».⁹

Этот гневное прощание с женским движением сделало две вещи: с одной стороны, был поднят вопрос о том, как женщины могут покончить с неравными властными отношениями друг с другом конструктивным образом. С другой стороны, это дало всем женщинам на руководящих должностях движения легкое оправдание для их неподдерживающего поведения. Любая женщина, вовлеченная в женское движение того времени, знает, что объяснение делль Олио использовалось, чтобы представить себя в свете трагически неправильно понятого героизма : называйте себя напористыми, сильными или талантливыми, и вы сможете таким образом переименовать уродливое, бесчувственное и репрессивное поведение. Сочувствие в этом случае со стороны некоторых женщин было гарантировано. Такого суицидального поведения для женского движения можно было избежать с помощью анархистской теории.

Точно так же женщины, которые были вовлечены в движение в то время, знали, что вещи, о которых говорила делль Олио, случались, но не должны были случаться. Разумеется, знаний анархистской теории недостаточно для предотвращения избирательных нападок на женщин. Но в борьбе за изучение новых способов общения и работы друг с другом такое знание просто могло бы предотвратить некоторые из этих разрушительных ошибок.

По иронии судьбы, эти ошибки были мотивированы радикальным феминистским отвращением к обычным формам власти и нечеловеческими личными отношения-

---

⁹ The speech is currently available from KNOW, Inc.

ми, которые возникают в результате того, что одни люди имеют власть над другими. Когда радикальные феминистки и анархистские феминистки говорят об отмене власти, они подразумевают избавление от всех институтов, всех форм социализации, всех способов, которыми люди принуждают друг друга — и соглашаются на принуждение.

Когда радикальные феминистки и анархистские феминистки говорят об отмене власти, они подразумевают освобождение человека от всех институтов и всех форм авторитарной социализации. Одной из главных проблем женского движения было определение, что же такое принуждение. Возникшая «враждебность» в отношении к «сильным женщинам», обосновывается тем, что они, по крайней мере, потенциально способны принуждать других женщин, которые не являются такими открытыми и уверенными в себе, как они. Принуждение обычно намного более тонкий момент, чем физическая сила или экономическое принуждение. Один человек может принуждать другого без того, чтобы отобрать у него работу, избить или посадить в тюрьму.

«Сильные женщины» с самого начала имели большое преимущество. Часто они обладали обширными знаниями в сравнении с другими женщинами. По большей части они уже давно преодолели сокрушительную социализацию, которая сделала нас пассивными и конформистскими, которая научила нас смеяться, когда нам не весело, шептать, когда мы хотели кричать, и опускать глаза, если кто-то смотрел на нас агрессивно. «Сильные женщины» не боялись выступать публично; они не боялись брать на себя «мужские» задачи или пробовать что-то новое.

Возьми «сильную женщину» в небольшую группу вместе со «слабыми женщинами», и она станет проблемой: как она будет избегать доминирования над другими? Как она поделится своими «с трудом заработанными» навыками и уверенностью в себе со своими сестрами? И с другой стороны, как «слабая женщина» научится отстаивать свои собственные интересы? Как мы можем говорить о «взаимопомощи» и «сестринстве», если в группе «слабая участница» не чувствует себя равной «сильной»?

Это сложные вопросы без простых ответов. Наиболее близким к решению может быть анархистский лозунг: сильный народ не нуждается в лидерках. Те из нас, кто научилась выживать, властвуя над другими, но также и те из нас, кто научился выживать благодаря терпимости к этим властным отношениям, должны заново социализироваться таким образом, чтобы научиться быть сильными, но в то же время лишиться игры в господство и угнетение. Мы должны получить контроль над тем, что происходит с нами, но не контролировать других. Мы не добьемся этого, выбрав правильных людей для правильных должностей, и следуя правильной линии партии. Мы ничего не добьемся, если будем сидеть сложа руки и размышлять над своими грехами. Мы сможем обновить себя и мир только благодаря нашей деятельности, только благодаря частичным успехам, неудачам и снова частичным успехам мы можем приблизиться к нашей цели. И в этом процессе мы становимся все сильнее и увереннее в себе.

---

¹⁰ *The Second Wave*, 2:1, 1972.

Когда Ансельма делль Олио раскритиковала личную практику радикальных феминисток, Джорин поставила несколько деликатных вопросов об организационных структурах. В своей речи на тему «Тирания бесструктурности»¹⁰ она указала, что не существует понятия «бесструктурные группы» и что те, кто отрицает это, обманывают себя. Все группы имеют структуру, разница в том, является ли структура очевидной или нет. Если это скрытая структура, безусловно, есть скрытые элиты, контролирующие группу. «Лидерки» будут оспаривать существование этой структуры, и ведомые будут запутаны этим. Чтобы преодолеть «тиранию бесструктурности», группы должны создать открытые и легко идентифицируемые структуры под общим контролем участниц.

Я полагаю, что каждая анархо-феминистка согласилась бы с ее анализом ровно до сих пор — но не дальше. Ибо Джорин продолжает, что так называемая «группа без лидерок и структур» не способна перейти от произнесенного слова к фактическому действию. Она говорит, что не только отсутствие открытой структуры, но и маленький размер группы и ее настойчивость в развитии самосознания приведут ее к неудаче. Джорин не сказала, что женские группы должны быть иерархически структурированы. Нет, она даже призвала к лидерству, которое было бы «широким, гибким, открытым и переходящим». Она поддержала формы организации, в которых ответственность и власть должны быть разделены между большинством их участниц, согласно меняющимся задачам, важен обмен навыками и информацией, а ресурсы предоставлены всем. Все вышеперечисленное — это хорошие социально-анархистские организационные принципы! Но ее презрение к развитию самосознания и предпочтение крупным региональным и национальным ассоциациям было точно одной из частей старого курса действий и это скрывает продолжение иерархических структур.

Большие группы организованы таким образом, что власть и способность принимать решения делегируется немногим; если, конечно, речь не идет о горизонтально скоординированной сети небольших коллективов, которую Джорин не упоминала. Например, как такая группа, как NOW (Национальная организация женщин), с ее 16 000 участниц в 1975, может чередовать задачи, содействовать обмену навыками между женщинами и обеспечить, чтобы вся информация и ресурсы были доступны каждой? Конечно она не может. У таких организаций есть президентка, дирекция, национальный офис и членство, иногда организованные в местные группы или состоящие из отдельных лиц. В таких организациях и группах очень мало демократии, и не так много групп, участницы которых имеют возможность развивать новые формы сотрудничества и взаимопонимания.

К сожалению, эффект «тирании бесструктурности» заключался в том, что авторка связывала крупную организацию с формальной структурой и успешными средствами прямого действия; комбинация, которая имела смысл для многих женщин. Многие женщины считали, что для борьбы с социальным угнетением нужна огромная организация — чем больше, тем лучше. Образ — сила, противопоставленная силе или вы не можете убить слона из пневматической винтовки — и вы не можете свергнуть патриархальное государство с помощью небольшой группы. Те женщины, которые убеждены, что большая группа в сочетании с лучшими результатами видят свои организационные возможности, реализованные только в больших либеральных груп-

пах, таких как NOW (Национальная организация женщин) или в социалистических массовых организациях.

Как и во многих вещах, которые внешне имеют смысл, здесь существует логическая ошибка. Термин «социальное угнетение» — это раздутая, искусственная сущность, которая проявляется в основном в том, что многие из нас страдают от одной и той же формы угнетения. Но подавление, независимо от того, насколько оно распространено и предсказуемо, всегда основывается на одном человеке, даже если он действует как агент государства или как член правящей расы, пола или класса. Массовые нападения полиции на наши объединенные силы очень редки, и даже сотрудник полиции, начальник или муж, который играет назначенную ему авторитарную или гендерную роль, пересекает наш путь только в какой-то момент нашей повседневной жизни. Институционализированное угнетение действительно существует в больших масштабах, но оно редко нуждается в нападении (в действительности, редко может быть атаковано) большой группой. Партизанская тактика в небольшой группе — иногда даже в одиночку может наносить весьма чувствительные ответные удары.

Еще одним неприятным эффектом менталитета, вызванного непосредственно «тиранией бесструктурности», было то, что подпитывал стереотипы об анархистках. Социальные анархистки не против какой-либо структуры, они также ничего не имеют против лидерства, поскольку это только временно, ориентировано на задачу и не содержит никаких наград или привилегий. Но анархистки, которые хотят устранить иерархическую структуру, почти всегда с самого начала решают, что они вообще не хотят структур. К сожалению, стереотипная карикатура хаотичных, дезорганизованных анархисток, которые бесцельно дрейфуют без направления, нашла общую привлекательность в женском движении. Например, в 1976 году журнал *Квест* перепечатал отредактированную стенограмму интервью, которое Шарлотта Банч и Беверли Фишер дали для Феминистской радиосети в 1972 году. Одним из самых интересных моментов в интервью было то, что редакторки *Квест* чувствовали, что проблемы по-прежнему актуальны и в 1976 году.¹¹ «Мы испытываем (сегодня) такое же презрение к лидерству и прославляем бесструктурность, как пять лет назад.» (Стр. 13). Но то, что Банч сказала в то время, было также чрезвычайно интересно: по ее словам, акцент на решении проблем структуры и лидерства был «очень сильным анархистским желанием. Это было хорошее желание, но оно было нереальным» (с. 4).

Анархистки, привыкшие к определению «нереалистичные», отметят, что нереалистичность всего этого, очевидно, заключается в проблемах, с которыми сталкивалось женское движение при организации — проблемах скрытого лидерства, навязывания «лидерок» средствами массовой информации, из-за трудностей в общении с заинтересованными женщинами, но еще не вступившими в движение, из-за чрезмерной репрезентации женщин из среднего класса, у которых много времени, аморфности движения, из-за нехватки конкретных целевых групп, в которые женщины могут вступить, и из-за враждебности по отношению к женщинам, которые пытались проявить лидерство или инициативу. Тяжёлый обвинительный акт! Тем не менее, эти очень реальные проблемы не были вызваны анархизмом, и они не будут вылечены

---

¹¹ “What Future for Leadership?”, *Quest*, 2:4, Spring 1976, pp.2–13.

дозами авангарда или реформизма. И, называя эти организационные трудности «анархистскими», феминистки игнорируют богатую анархистскую традицию, в то же время предлагая решения, которые — хотя они, очевидно, не знают об этом — анархистские. Банч и Фишер изложили модель лидерства, в которой каждая участвует в принятии решений; и лидерство является специфическим для конкретной ситуации и ограничено во времени. Фишер раскритиковала NOW (Национальная организация женщин) за «иерархическое лидерство, которое не несет ответственности перед широким кругом» (стр. 9), и Банч заявила, что «лидерство — это люди, берущие на себя инициативу, имеющие идеи и воображение, чтобы начать что-то, и демонстрирующие особые навыки в разных областях» (с. 8).

Но что предлагают Банч и Фишер, чтобы не дать женщинам заткнуть рот под неправильно понятым «идеалом равенства для всех»? «Женщины перестанут притеснять сильных женщин только тогда, когда они сильны сами». Другими словами, то же самое предлагают анархистки. «Сильному народу не требуются лидерки. «- Точно так!

Ситуационизм и анархистский феминизм

Преобразовать мир и изменять структуру жизни — это одно и то же.¹²

Личное есть политическое.¹³

Анархистки привыкли к упрекам, что они не способны предложить теорию, которая помогла бы построить новое общество. В лучшем случае, как говорят хулители, анархизм говорит нам, чего делать не следует. Не допускать бюрократии или иерархической власти; не позволяйте авангардной партии принимать решения; решайте за себя и не покровительствуйте. Согласно этой точке зрения, анархизм вообще не является теорией. Это набор предостерегающих практик, голос либертатной совести — всегда идеалистический, немного грубый, иногда анахроничный.

Хотя в этой критике есть нечто большее, чем ядро правды. Точно так же существуют разновидности анархистской мысли, которые могут обеспечить теоретическую основу для анализа мира и действий по его изменению. Для радикальных феминисток, которые хотят сделать этот «шаг в сознательном теоретическом развитии»¹⁴, возможно, самый большой потенциал лежит в ситуационизме.

Ценность ситуационизма для анарха- феминисток состоит в том, что он сочетает в себе социалистический анализ капиталистического угнетения с необходимостью изменить всю общественную и частную жизнь. Несмотря на важность экономического анализа системы, анархистки подчеркивают, что люди угнетены и во всех остальных сферах жизни; В отличие от марксисток, они настаивают на том, что люди сами должны изменить свои условия жизни — никто не может сделать эту работу за них, ни партия, ни профсоюз.

---

¹² Strasbourg Situationists, *Once the Universities Were Respected*, 1968, p.38.

¹³ Carol Hanisch, "The Personal is Political", *Notes from the Second Year*. N.Y.: Radical Feminism, 1970, pp. 76–78.

¹⁴ Leighton, op cit.

Двумя основными концепциями ситуационизма являются «товар» и «зрелище». Капитализм сделал все общественные отношения товарными: рынок правит всем. Люди являются не только производительницами и потребительницами в узком экономическом смысле, но сама структура их повседневной жизни основана на товарных отношениях. Ансамбль социальных взаимоотношений и структур является центральным продуктом товарной экономики.¹⁵ Это неизбежно отчуждает людей от их собственной жизни, а не только от их труда; Посредством потребления всех межличностных отношений человек стал пассивным зрителем своей жизни.

Таким образом, зрелище — это культура, которая возникает из товарной экономики: сцена установлена, действие разворачивается, мы аплодируем, когда думаем, что мы счастливы, мы зеваем, когда думаем, что нам скучно, но мы не можем покинуть шоу, потому что за пределами театра нет мира, в который мы могли бы выйти.

Однако в последнее время социальная сцена начала рушиться, что открывает однако возможность для построения иного мира вне театра — на этот раз реального, в котором каждая из нас непосредственно участвует в спектакле как субъект, а не как объект. Ситуационистская фраза для такой вероятности — «переосмысление повседневной жизни».

Каким образом мы можем изменить повседневную жизнь? Создавая ситуации, которые разрушают, казалось бы, естественный порядок — ситуации, которые вырывают людей из их привычного мышления и поведения. Только если это условие будет выполнено, мы сможем устранить доминирующее зрелище и товарную экономику, то есть капитализм во всех его формах, только тогда мы сможем по-настоящему жить свободно и независимо.

Согласованность этой социальной анархистской теории с радикальным феминизмом впечатляет. Использование терминов «товар» и «зрелище» особенно уместно, когда речь идет о жизни женщин. На самом деле, многие радикальные феминистки описывают свою жизнь в этих терминах, не зная о том, что такое ситуационизм.¹⁶ Рассматривая положение женщин как органическую часть всего общества, понимаешь, что угнетение женщин — это всеохватывающее подавление людей капиталистической экономикой. Чтобы почувствовать это угнетение, женщина не обязательно должна принадлежать к определенному классу или слою. Женщины всех слоев и классов являются объектами товарной экономики, все они пассивные наблюдательницы пьесы. Конечно, нельзя сказать, что все женщины одинаково угнетены, но нет и женщины, которая действительно свободна.

Женщины и товарная экономика

Женщины выступают в товарной экономике как потребительницы, так и потребляемые. Как домохозяйки, они являются потребительницами предметов домашнего обихода, которые они не покупают за свои собственные деньги, потому что они не «заработали» их. В результате у них есть некоторая покупательная способность,

¹⁵ Point-Blank!, “The Changing of the Guard”, in *Point-Blank*, October 1972, p.16.

¹⁶ For one of the most illuminating of these early analyses, see Meredith Tax, “Woman and Her Mind: The Story of Everyday Life”, Boston: Bread and Roses Publication, 1970.

но нет власти над своей жизнью. Как одинокие гетеросексуальные женщины, они покупают вещи, которые должны принести им высокую цену на брачном рынке. Для других женщин, например, лесбиянок, пожилых женщин или женщин независимых профессий, роль женщины как потребительницы не так четко обозначена.

Так что же тут нового? Разве идея женщины как пассивной потребительницы, которой манипулируют СМИ, под патронажем хитрых мужчин с Мэдисон-авеню, является излишним клише движения? И да — и нет. Ситуационный анализ связывает потребление экономических товаров с потреблением идеологических товаров, а затем говорит нам, что мы должны создавать ситуации (партизанские действия на многих уровнях), которые нарушат эту модель социализированного принятия мира таким. Перестаньте искать вину — не критикуйте женщин, которые «купили» общие потребительские взгляды. Они прививалась им с самого раннего детства как единственно возможный образ жизни. Купи это: это сделает тебя красивой и очаровательной. Купи то: это сохранит вашу семью здоровой. Ты чувствуешь себя подавленной? Проведи день в салоне красоты или в новом платье.

Вина ведет к бездействию. Только действие, заново изобретающее повседневность и делает ее чем-то другим, изменит социальные отношения.

The Gift

Thinking she was the gift
they began to package it early.
they waxed its smile
they lowered its eyes
they tuned its ears to the telephone
they curled its hair
they straightened its teeth
they taught it to bury its wishbone
they poured honey down its throat
they made it say yes yes and yes
they sat on its thumbs
That box has my name on it,
said the man. It's for me.
And they were not surprised.
While they blew kisses and winked
he took it home. He put it on a table
where his friends could examine it
saying dance saying faster.
He plunged its tunnel
he burned his name deeper.
Later he put it on a platform
under the Klieg lights
saying push saying harder
saying just what I wanted

---

¹⁷ Carole Oles, "The Gift", in *13th Moon*, II: 1, 1974, p. 39.

you've given me a son.

— Carole Oles¹⁷

В товарной экономике женщины не просто потребительницы. Они также потребляются как товары. Это упоминается в стихотворении Кэрол Олес, а Мередит Такс называет это состояние «женской шизофренией». Во внутреннем монологе Такс показывает, что вызывает товарный характер женщины: «Когда я одна, тогда я ничто. Во мне ничего нет. Единственное, что я знаю, это то, что я существую только потому, что мне нужен кто-то реальный, мой муж и мои дети.»¹⁸

Когда феминистки описывают, как женщины делаются женщинами, какие формы поведения воспитываются в девочках, такие как эмоциональная зависимость, робость, пассивность и тд. То на самом деле они говорят ни о чем другом, как об осторожном создании товара. При описании женщины как сексуального объекта, живущей в нуклеарной семье, являющейся супер-матерью и работающей на плохой и недоплачиваемой работе, они также описывают женщину как товар. Женщины потребляются мужчинами, которые относятся к ним как к сексуальным объектам; как «супер — матерям» они потребляются своими детьми (которых они же произвели!); их используют их авторитарные мужья как покорных слуганок. И они потребляются боссами, использующими их рабочую силу, из которой извлекается максимум труда за минимальную плату. Медицинские исследователи опробуют на них новые и небезопасные контрацептивы. Мужчины могут купить их тело на улице. Государство и церковь требуют, чтобы они создавали следующее поколение во славу бога и государства. Политические и общественные организации ожидают, что они «добровольно» будут тратить свое время и энергию на внешние цели. У женщин мало ощущения себя, потому что их самость была продана другим.

Женщины и зрелище

Трудно поглотить людей, которые борются, которые сопротивляются каннибализму их тел, их умов, их повседневной жизни. Немногим удастся сопротивляться, но они не сопротивляются эффективно, потому что не могут. Так трудно найти нашего мучителя, потому что он такой распространенный, такой знакомый. Мы знали его всю жизнь. Это наша культура.

Ситуационистки характеризуют нашу культуру как зрелище. Зрелище рассматривает нас всех как пассивных зрительниц. И культура как спектакль охватывает все: мы рождены в ней, социализированы ею, в ней учимся, работаем, отдыхаем и общаемся с другими людьми тоже в ней. Даже когда мы восстаем против этого, восстание часто определяется зрелищем. Вы могли бы оценить количество чувствительных, отчужденных юношей, которые поколение назад моделировали свое поведение, копируя Джеймса Дина в «Бунтарь без причины»? Я говорю о фильме, чей капиталистический продюсер и чья звезда зарабатывают много денег на этом зрелище.

---

¹⁸ Тах, *op cit.*, p. 13.

Хотя мятежные действия часто направлены против зрелища, но редко могут полностью его преодолеть. Самые мятежные формы поведения уже запрограммированы обществом. У женщин есть определенное поведение, чтобы выразить свое недовольство, просто делая противоположное тому, что можно ожидать от них как от женщин. Но в то же время эти формы поведения являются просто предохранительными клапанами системы или клише восстаний, которые не меняют театр, в котором происходит наша жизнь. Какие формы восстания есть у женщин в этом театре? Мы можем назвать их всех — они есть в каждой газете и появляются по телевизору в прайм-тайм, они в списке бестселлеров и, конечно, в повседневной жизни. В обстановке, которая ценит перфекционистскую домашнюю работу, она может быть неряхой; в субкультуре, которая ценит большие семьи, она может отказаться иметь детей. Другие предсказуемые мятежи? Она может бросить вызов двойному сексуальному стандарту для замужних женщин, имея одну связь на стороне (или несколько); Она может выпивать, получить нервный срыв или — если она молодая девушка — сбежать из дома и спать со множеством мужчин.

Каждое из этих действий могло бы сделать жизнь каждой женщины более терпимой (но часто все наоборот), и все они гарантированно заставят консерваторов разглагольствовать, что общество рухнет. Но все эти перечисленные мятежи еще не разрушили общество, и, вероятно, им это не удастся. Изменение общества возможно только путем прямых действий против всех наших ограничительных условий жизни. Когда женщины говорят об отмене деструктивной гендерной социализации женщин, они обычно выбирают одно из возможных решений:

1. Девочки должны получать образование такое же, как и мальчики, чтобы впоследствии стать более независимыми, конкурентоспособными, агрессивными и тд. Таким образом, утверждение этого предлагаемого решения таково: поскольку мы живем в мужском мире, женщина, которая хочет заявить о себе, должна стать своего рода «мужчиной».
2. Мы должны гордиться своей женской ролью и понимать, что то, что мы называем слабостью, — это действительно сила. Мы можем гордиться тем, что мы заботливые, чувствительные и эмоциональные.
3. Единственный действительно здоровый человек — андрогинный. Мы должны работать, чтобы искоренить искусственное разделение человечества на «мужчин» и «женщин», и помочь обоим полам стать смесью их соответствующих лучших качеств.

В рамках этих трех моделей решений личные решения гендерного угнетения образуют широкое поле. Оставайся одна! Живите в союзе с мужчинами и женщинами или только с женщинами! Не рожай детей! Не рожай детей мужского пола! Воспитывай детей как ты хочешь, но требуйте детские сады, контролируемые родителями! Найди работу, найди лучшую работу! Требуй значимую работу! Будь информированной потребительницей! Защищай свои права в судах! Учись самообороне! Тренируйте уверенность в себе! Открой себе лесбиянку! Развивай свою пролетарскую индивидуальность!

Все эти предложения имеют смысл для определенных женщин в определенных ситуациях. Но это лишь частичные решения, которые создают новые проблемы, и ни одна из них не содержит качественно нового взгляда на мир.

Теперь мы переходим от специальных решений к более общим. Уничтожь капитализм! Прикончи патриархат! Разбей гетеросексизм!

Это, очевидно, все важные задачи для создания нового человеческого мира. Марксистки и социалистки, социальные анархистки и феминистки подписываются под этими требованиями в основном без колебаний. Но то, что социалистки и даже некоторые феминистки забывают, — это то, что мы должны уничтожить все формы господства. Это требование не просто лозунг, но и самая большая задача, стоящая перед нами. Это значит, что мы должны видеть сквозь зрелище, разрушать декорации, знать, что есть другие способы ведения дел. Это означает, что мы должны делать больше, чем реагировать запрограммированными восстаниями — мы должны действовать. И наши действия должны осуществляться коллективно, а не отдельно автономными индивидами. Это кажется противоречивым? Это не так — но это будет очень сложно сделать. Один человек не может ничего изменить; по этой причине мы должны работать совместно. Но эта работа должна осуществляться без лидеров, какими мы их знаем, и без делегирования какого-либо контроля над тем, что мы делаем и что хотим построить.

Способны ли социалистки на это? Или последовательницы матриархата? Или спиритуалистки? Вы знаете ответ на этот вопрос: работайте с ними там, где это имеет смысл, но не очаровывайтесь. Не подчиняйтесь им или кому-либо еще.

Только если мы заставим ее
становится прошлым,
это приведет нас к самим себе,
в противном случае
мы будем проглочены ею,
в ней как в убежище без дверей,
мы делаем историю
или
мы будем законсервированы ей.¹⁹

---

¹⁹ Marge Piercy, excerpt from “Contribution to Our Museum”, in *Living in the Open*. N.Y.: Knopf, 1976, pp.74–75.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Carol Ehrlich
Социализм, анархизм и феминизм
1977

[https://vk.com/@newleftfeminism-socializm-anarhizm-i-feminizm-1977-chast-i,](https://vk.com/@newleftfeminism-socializm-anarhizm-i-feminizm-1977-chast-i)
[https://vk.com/@newleftfeminism-socializm-anarhizm-i-feminizm-1977-chast-ii,](https://vk.com/@newleftfeminism-socializm-anarhizm-i-feminizm-1977-chast-ii)
[https://vk.com/@newleftfeminism-socializm-anarhizm-i-feminizm-1977-zakluchitelnaya-chast,](https://vk.com/@newleftfeminism-socializm-anarhizm-i-feminizm-1977-zakluchitelnaya-chast)
<https://theanarchistlibrary.org/library/carol-ehrich-socialism-anarchism-and-feminism>

ru.theanarchistlibrary.org